

Мотя Губина

СЕМЬЯ

ДЛЯ ПОПАДАЮЩЕЙ.

БОГАТЫРЬ В ПОДАРОК

Славянские сказки Моти

Мотя Губина

**Семья для попаданки.
Богатырь в подарок**

«Автор»

2024

Губина М.

Семья для попаданки. Богатырь в подарок / М. Губина —
«Автор», 2024 — (Славянские сказки Моти)

Что делать попаданке, если новый мир не встречает с распростёртыми объятиями? Как вариант, можно умереть с голоду. Или отправиться на каторгу или... помочь тому, кому ещё хуже. Особенно, если этот кто-то — ребёнок, что зовёт тебя мамой. А ещё, тот человек, что принял меня в своём доме... Будут ли у него ключи от моей судьбы, или мы разойдёмся, так и не узнав друг друга?*** Попаданка в сказку Формат повести История, которая расскажет о том, что семья — это не только общая кровь.

© Губина М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 Попадание в другой мир	5
Глава 2 В доме богатыря	7
Глава 3 Неожиданный поворот	10
Глава 4 Побег	12
Глава 5 Новая работа	16
Глава 6 Обращение с детьми	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Семья для попаданки. Богатырь в подарок

Глава 1 Попадание в другой мир

— Воровка!

Сильные мужские пальцы схватили меня за запястье, заставив разжать ладонь. Из неё, прямо в лужу, упал пирожок.

Тот самый, который я пыталась добыть почти три часа, бродя между прилавками и кутаясь в драную грязную шаль, найденную на ближайшей помойке.

Я проследила за падением сдобы в воду, и на глаза выступили слёзы.

— Что вы наделали?!

Не поднимая глаз, я с силой дёрнула ладонь на себя, вырывая её из грубых, как наждачка, рук.

Мужчина отпустил, но даже не шелохнулся, а я упала на колени перед лужей и попыталась выловить злополучный пирожок с яблоками. Кто бы мне сказал три дня назад, что я опущусь до такого!

— Что ты делаешь? Оставь, он уже несъедобен.

— Это из-за вас он несъедобен! — огрызнулась я. — Я три дня не ела, прикажете мне с голоду сдохнуть?!

— Это не повод для воровства.

— Это возможность для выживания! Идите, объясняйте свою мораль кому-нибудь более сытому!

Ладони поймали в грязной воде размягшее тесто, и мне захотелось завывать в голос. Доедать тут было нечего. Да и не смогу я, привыкшая к свежее испечённым круассанам и утреннему латте в кофейне у дома, пересилить себя и подавить рвотный рефлекс, чтобы запихнуть подобное в рот.

Хотя есть хотелось. Очень.

Тонкая ткань некогда белой сорочки насквозь промокла и холодила и без того продрогшую до костей кожу. Пальцы на ногах онемели так давно, что я даже начала забывать, какого это, что-то ими чувствовать... Но самое главное, я совершенно не понимала, что нужно делать и что меня теперь ждёт.

Первую ночь мне повезло, если можно так выразиться. Я смогла пробраться в один из крестьянских сараев и поспать, прижавшись к боку грязной вонючей коровы. Конечно, для этого мне нужно было сначала перебороть отвращение, страх и брезгливость. Но холод, как впрочем, и голод не тётка, так что, если замёрзнуть насмерть осенней ночью не хочешь, и корове под бок ляжешь.

Утром меня обнаружил хозяин, и я еле ноги унесла, потому что полоумный мужик с вилами слушать меня даже не стал.

Да и никто не стал. Это я поняла на следующий же день, когда попыталась поговорить с кем-нибудь из местных.

Как только они понимали, что перед ними чужачка, что легко можно было заметить по разговору и по одежде, да ещё и нищая, меня тут же прогоняли взашей.

Я не смогла найти сочувствия ни у мужчин, ни у женщин, ни у бабушек. Моя чужеродность была для них словно клеймо, превращающее человека в безликую грязь, которую можно просто выкинуть или же потоптать.

Так что эту ночь я провела на улице. Было настолько холодно, что спать я не смогла, даже если бы нашла, где. А без этого...

Пришлось просто слоняться по улицам и глотать солёные слёзы. Как-то не так я представляла себе попадание в другой мир.

— За воровство тебя могут и на каторгу сослать, — мужчина подхватил меня под локоть и довольно бесцеремонно вздёрнул вверх, — не сиди на холодной земле, застудишься.

Я не выдержала и размазала слёзы по лицу грязной рукой.

— Ну и пусть на каторгу ссылают! Может, хоть там покормят нормально и оденут!

— Я бы на это не рассчитывал.

Услышав последнюю фразу, сказанную спокойным бесстрастным тоном, я вскинула голову и, наконец, посмотрела на него.

Передо мной стоял великан. Ну, или богатырь, если говорить местным языком. Широкие плечи, огромные сильные руки, ноги как столбы, наверняка и поступь тяжёлая... У незнакомца было открытое лицо с крупными славянскими чертами и светло-русые волосы до плеч, лежащие мягкими локонами.

Его грудь была облачена в грубую рубаху, а поверх одета в кожаный то ли доспех, то ли жилетку... Множество металлических вставок соединялись друг с другом слоями воловьей кожи; ремешками к груди и поясу крепилось оружие и металлические инструменты.

Передо мной был кто-то из рабочего класса. Судя по грубости ладоней, он всю жизнь работал руками. И сейчас стоял напротив меня в достаточно лёгкой рубахе, и ему явно было не холодно — его, в отличие от меня, прекрасно грело огромное тренированное тело, буквально пышущее жаром.

Смотря на него, я, кажется, замёрзла ещё сильнее, потому как ослабленный организм начало колотить крупной дрожью.

— Да что... Да что вы знаете?!

— Ничего, — кивнул он, — пойдём.

Огромная ручища снова схватила меня и поволокла за собой.

— К-куда? — я еле переставляла ноги от холода, поэтому время от времени мужчина буквально тащил меня на себе. Впрочем, было не похоже, чтобы он это замечал...

— Ко мне домой.

Вот и весь ответ.

Я не настолько наивна, чтобы не испугаться того, зачем огромный взрослый дядька меня может тащить в свой дом. Но я была настолько замёрзшей, голодной и уставшей, что отказаться или воспротивиться ему просто не хватило сил...

Глава 2 В доме богатыря

Мужчина привёл меня к своему дому уже тогда, когда на улице стало совсем темно и очень холодно.

Если честно, я еле на ногах стояла. А учитывая, что эти самые ноги были ещё и босыми, то лучше бы даже не стояла.

Дом незнакомца был деревянным, невысоким, но очень добротным. Толстые брёвна в стенах походили на своего хозяина — могучего и крепкого. Сбоку было ещё несколько построек, но сейчас можно было рассмотреть лишь их силуэты.

В небольшом окне около входа еле заметно горел свет из глубины дома. Мой провожатый свободной рукой толкнул тяжёлую дубовую дверь, и мне в лицо ударил пряный тёплый воздух от горящего очага.

Измученное тело инстинктивно потянулось к теплу, и я буквально ввалилась в дом.

— Пойдём, — мужчина зажёл лучину и предложил мне следовать за ним, — не нужно стоять в сенях.

Я на деревянных ногах прошла следом, мимоходом отмечая, как грязный подол чужой ночнушки, которую я тоже украла в первый день пребывания в этом мире, оставляет мокрый грязевой след на чисто выскобленном деревянном полу.

Мужчина прошёл в кухню, где стояла огромная и очень горячая печь, и загремел посудой и кастрюлями.

Я же, не зная, куда себя приткнуть, упала на низенькую деревянную лавку.

Если прямо сразу не перешёл к растлению и убиению невинных дев, то есть шанс, что хотя бы накормит.

Судя по обстановке, мой новый знакомый был среднего достатка — здесь не отапливалось помещение «по-чёрному», как в бедных крестьянских семьях, но и не было магических светильников и обогревателей, как у зажиточных дворян.

Как только я попала в этот мир, то подумала, что каким-то образом перенеслась назад во времени, когда на Руси были княжества, крепостное право и всеобщее невежество... Конечно, по сравнению с современной историей.

А потом оказалось, что здесь, несмотря на кое-какие внешние сходства, различий с нашей историей намного больше.

Во-первых, из-за присутствия этой самой магии, облегчающей быт, а значит, и жизнь всех слоёв населения.

Во-вторых, присутствием откровенно сказочных, волшебных персонажей. Я лично видела, как из одного дома вышел низенький бородатый мужичок, выкидывающий мусор на помойку. А потом, из этого же дома, его хозяин крикнул принести дров, назвав «домовым». На улицах обсуждали лесную нежить, водяных и прочих сомнительных существ.

Ещё было много мелких поведенческих отличий самих людей, включая более простой для современного восприятия, «не старославянский» язык.

Можно было предположить, что я попала в сказку или сказочный мир, но в какую именно — кто же знает?

Ноги начали гореть и покалывать, особенно в пальцах, что говорило о том, что я начала потихоньку отогреваться. И это было больно...

Я попыталась незаметно дотянуться до зудящей ступни, чтобы растереть её хоть немного, но была остановлена бесстрастным голосом:

— Не надо.

Я испуганно застыла на своей лавке, не понимая, чего от меня хотят. Желудок скрутило от голода, тело ломало от разницы температур, но самое главное, я не понимала, что теперь со мной будет.

Мужчина тем временем достал из печи котелок, откуда выловил несколько больших картошин. Их он отставил в сторону и отодвинул вглубь стола. В противоположную от меня сторону.

Он делал всё неторопливо и молча, а мне хотелось завывать в голос и потребовать, чтобы он просто накормил меня уже, раз сюда притащил, но всё, что я могла — это невнятно застонать.

— Подожди, — был мне ответ.

Он подхватил голыми руками края котла и вылил воду из-под картошки в большой таз на полу.

В голове вяло промелькнула мысль, что моя бабушка всегда тушила в печи картошку и никогда её там не варила.

Тем временем в тот же таз была долита холодная вода из ведра, а потом его придвинули к моим ногам со словами:

— Опusti.

Я непонимающе подняла тяжёлую голову, и мужчина со вздохом повторил:

— Опusti ноги в отвар, поможет при обморожении.

Я, не зная, насколько данное народное средство действительно, всё же кивнула и послушно опустила ноги в воду.

А в следующую секунду чуть не закричала!

Вода была очень... Очень горячей!

— Потерпи, — будто услышав мои мысли, проговорил мужчина и грозно нахмурился, — вода не горячей температуры твоего тела, тебе просто кажется, что она горячая. Отвар поможет быстрее согреть тебя.

Я стиснула зубы от боли, но всё же кивнула, послушно удерживая ноги в тазу.

Тем временем богатырь вернулся обратно к злополучной картошке и всё же разложил её на две тарелки, предварительно порезав её, и нарезал в каждую тарелку по несколько шматков сала с тонкой прожилкой мяса.

Я слотнула.

Никогда не ела ничего подобного. Эта пища всегда казалась слишком жирной и грубой для меня. Последнее время и я вовсе предпочитала перекусывать в ресторанах и кофейнях в перерывах между работой. Единственное, что я потребляла без всякого ограничения — это кофе. Много-много кофе. Латте, американо, эспрессо, классический капучино — в зависимости от настроения и степени сонливости.

Зря, наверное, вместо сна я вливала в себя кофе... Если бы не это, может, и не упала бы я на своей машине в реку, а потом не пришлось бы мне бродить босой и голодной по улицам города в какой-то фольклорной сказке...

Но сейчас я была готова на всё! Даже на картошку с салом.

Особенно на картошку с салом!

Мужчина поставил передо мной мою порцию, размерами не уступающую своей, и я, не дожидаясь приглашения, схватила деревянную ложку, которая больше походила на половник, и быстро набросилась на еду. С жадностью и болезненным удовольствием. В голове промелькнула мысль, что вроде в древней Руси рабочий люд не пользовался тарелками, а здесь они были. Глиняные, но были.

— Не торопись, — передо мной на стол легли два ломтя черного хлеба и кружка с дымящимся отваром. В нём плавали какие-то травинки и шёл терпкий, чуть горьковатый запах.

Я не ответила, продолжая остервенело уничтожать предложенную еду.

Мужчина сел напротив и так же молча принялся за еду. В отличие от меня, он не стучал ложкой по дну и не прихлёбывал жадно из кружки, а потом не заходился кашлем, потому что горячо и попало не в то горло. Нет, он спокойно ел, проявляя несвойственную таким габаритам грацию движений.

Я не поняла, как тарелка передо мной оказалась пуста. Желудок, до этого болезненно сжатый, сейчас был так же болезненно набит, и я со всей отчётливостью поняла, что не стоило мне так наедаться. Всегда же советуют выходить из диеты или голодовки постепенно.

Незнакомец тем временем встал и, взяв большую чистую, но довольно грубую ткань с печи, протянул мне.

— Вытри.

Я моргнула, сначала не понимая, что он от меня хочет, но потом сообразила.

А-а-а, ноги...

Я хотела было дотянуться до тряпицы, но покачнулась, потеряла равновесие и начала заваливаться вперёд, прямо на дощатый пол.

В последний момент меня за плечи обхватили крепкие руки, а потом он со вздохом поднял меня со стула, словно пушинку, и понёс вглубь избы.

Уже уплывающим сознанием я слышала его вопрос, когда он положил меня на жесткий матрас и укрыл тяжёлым одеялом.

— Звать-то тебя как, бедовая?

— Марина, — прошептала я, уплывая в царство темноты и сновидений.

Последнее, что слышала, было:

— Марья, значит...

Глава 3 Неожиданный поворот

Когда я открыла глаза, вокруг уже опять вечерело. Похоже, я проспала почти сутки.

Я всё так же лежала в своей грязной, но уже хотя бы не сырой ночнушке с чужого плеча, что давало надежду, что мною не воспользовались в бессознательном состоянии.

Побрезговали, прости, Господи...

Рядом с кроватью нашлось женское платье. Точнее, широкая рубаша до пят и сарафан. Размеры, конечно, впечатляли, но мало вероятно, что они принадлежат хозяину дома, а значит, всё же оставлены были для меня.

Я приподнялась на локте и оглянулась. Великана нигде не было видно. На простом табурете, недалеко от изголовья, стояла длинная восковая свеча в подсвечнике, такая же свеча была на кухне, будто подсвечивая путь к тому месту, откуда доносились приятные запахи.

Я медленно встала, всё ещё ощущая слабость во всём теле, отмороженные ноги неприятно гудели, но при этом я их чувствовала, что было однозначно хорошо. Да и волдырей не было. Преодолевая слабость, я всё же упрямо оделась, завязав широкий сарафан потуже поясом, и зашагала на кухню.

Очень сильно волновал вопрос уборной. Если я в аналоге древней Руси, то туалет, я так понимаю, на улице, правильно? Или нужно под кроватью ночной горшок искать? С другой стороны, если это сказка, то может здесь быть хоть что-нибудь сказочного, нет?

Несмело выглянув из спальни, я никого не увидела и только тогда осмелилась исследовать дом.

Мне повезло, прямо у входа был небольшой закуток, куда вела низкая дверь, в котором обнаружилась довольно большая лохань и унитаз.

Ну как, унитаз... До унитаза этот стул с дыркой и шторкой по краю, конечно, не дотягивал, зато был аналог водопровода, подающий воду из огромной бочки под потолком. Так что опробовать слив я всё же смогла.

Почему-то это открытие настолько меня поразило, что на глаза выступили слёзы.

Неделю назад я помыслить свою жизнь не могла без смартфона, а вчера была готова есть пирожок из лужи. А теперь вот этот унитаз, который словно намекал, что не всё потеряно в этом сказочном мире.

Я вернулась на кухню, присела на лавку и дала волю слезам.

Я не плакала, когда попала сюда и осознала, что моя земная жизнь закончилась, — некогда было. Мне сразу было холодно, голодно и страшно, так что приходилось разбираться с текущими проблемами. И только сейчас, сидя на чужой кухне, я смогла наконец осознать, что назад дороги нет. Теперь мне придётся жить здесь. Выживать без средств к существованию, без знания законов и даже диалекта. Хорошо хоть, сами разговоры я понимала, даже общаться могла, но, конечно, за свою меня ещё никто не принял.

Хлопнула входная дверь.

Я резко вскочила, на ходу быстро вытирая длинным рукавом мокрое от слёз лицо. Я не знала, как общаться с мужчиной. И что ему от меня нужно, тоже не знала.

Богатырь нашёл меня взглядом, но никак не прокомментировал, что я встала с кровати и теперь стою на его кухне. Вместо этого он спокойно снял грубые кожаные рукавицы и высокие сапоги. Вместо них он надел плетёные лапти и подвязал их верёвками вокруг каждой икры.

От него шёл резкий запах какой-то химии, пусть и примитивной, а ещё... кожи?

Мужчина прошёл на кухню и, сняв блюдечко с глиняной крынки, налил себе в стакан молока, которое тут же и выпил залпом.

— Почему ты не ела? — спросил он наконец, посмотрев на меня.

— А можно?

Он пожал могучими плечами.

— Разве ты не голодная?

Я переступила с ноги на ногу. Это можно рассматривать, как предложение перекусить?

На столе, под вышитым полотенцем, явно стояла какая-то выпечка, потому как запах от неё я почувствовала ещё из комнаты.

Когда хозяин дома скинул с пирога полотенце и так же молча протянул мне тарелку, я готова была язык проглотить — потому что всегда любила пироги с мясом, а здесь был экземпляр, который выпекался в русской печи, что для моего мира уже недоступная роскошь.

Румяное, ноздреватое тесто с хрустящей корочкой скрывало в себе толстый слой рубленого мяса с луком. Это вам не тонкие котлеты ресторанов быстрого питания! От начинки пирога пошёл белесый пар, как будто пирог только-только вынули из печи.

Ели молча.

Не знаю, о чём думал мужчина, я же размышляла о том, могу ли я с ним поговорить или лучше этого делать не стоит, потому как выглядел он весьма сурово и мрачно. Так, что я непривычно робела, хотя очень хотелось узнать, он ли делал этот пирог. Представить огромного великана вымешивающим тесто было просто невозможно.

— Завтра отведу тебя к старосте ближайшей деревни, — спокойно проговорил мужчина, — он часто занимается делами воров.

Глиняная кружка с молоком, что я секунду назад держала в руках, с глухим стуком упала на пол, а молоко моментально впиталось в половые доски.

Я растерянно подняла взгляд от мокрого дерева на мужчину, не в силах сказать ни слова.

Он сдаст меня властям?!

Глава 4 Побег

Я не знаю, куда ушёл мужчина, имени которого я так и не осмелилась узнать, но вечером я вновь осталась в доме одна.

Если сам мужчина в первый раз воспользовался лучиной, то мне оставлял зажжённые свечи. Я, конечно, не знаю местных расценок, но могу предположить, что удовольствие это недешёвое.

Другой вопрос был в том, что я здесь даже не гостя...

Я здесь - пойманная воровка, которую, прежде, чем сдать на каторгу, по доброте душевной или из каких-то корыстных соображений накормили и подлечили.

А на каторгу не хотелось. Разве я была виновата в том, что вместо смерти оказалась в другом мире без средств к существованию? Вдобавок, я была так растеряна и напугана, что просто не смогла быстро сориентироваться и предпринять какие-либо действия для своего благоустройства. Всё же я - не героиня, хоть и нахожусь в сказочном мире.

Сейчас же всё было несколько иначе. Пусть я продолжала многого не знать и не понимать, но я была сыта, одета и немного познакомилась с местным укладом.

Поэтому решила бежать. Есть шанс, что я смогу найти для себя место в этом мире. Если опять окажусь на улице... Ну, что ж... На каторгу попасть никогда не поздно.

Я собрала немного хлеба и оставшийся кусок пирога в тканевую скатерть, завязывая её на манер узелка, страдая от того, что здесь ещё не изобрели рюкзаки. Потом, стараясь не шуметь, поискала в большом сундуке то, что могло бы мне заменить куртку. Её, разумеется, не нашла, зато обнаружился шерстяной платок огромных размеров, который удалось замотать вокруг тела и подвязать бечёвкой на манер кимоно. На голову - ещё один платок, но поменьше. Из обуви на глаза попались лапти и валенки также впечатляющего размера. Для первых было слишком холодно. Для вторых - слишком мокро. Да и утонула бы я в одном из таких валенков, даже если бы залезла в него сразу двумя ногами.

После продолжительных дискуссий самой с собой выбрала всё же лапти.

Ноги обмотала тряпицами, что нашла в том же сундуке, и кое-как замотала жгутом. Теперь я была похожа на кошмар дизайнера. Хорошо, что тут не было зеркала...

Конечно, меня грызла совесть, что я нагло украла вещи и еду в том доме, где меня приняли, но... но жить хотелось больше...

Вот так, когда мораль встречается с жестокой реальностью, тогда-то человек и понимает, сколько на самом деле стоят все его принципы. Мои оказались совсем недорогими...

Так что, открыв входную дверь, когда уже потихоньку начало светать, и оглянувшись, я медленно выскользнула наружу, подспудно радуясь, что у богатыря нет собаки. Куда он сам ушёл и не выскочит ли сейчас на меня при попытке покинуть его дом, я не знала. Да и вообще, оставалось непонятным, зачем ему нужно было чужачку к себе домой приводить, кормить, постель свою отдавать. К слову, именно отдавать, а не делить...

Но сейчас всё это ушло на задний план, потому как я со всех ног бежала вперёд, вдоль просёлочной дороги, обратно в сторону города.

Дом мужчины располагался в отдалении, уже за пределами городской стены, но при этом и не на территории ближайшей деревни. Скорее всего, той самой, старосте которой меня собирались сдать.

Как любой житель мегаполиса, я знала, что прятаться нужно не в лесу, где бы я и дня не прожила, а в толпе и городской суете. Поэтому, споро переставляя ногами и старательно обходя лужи, я всё ближе подходила к огромным воротам, возле которых уже начинала собираться толпа. Скорее всего, с ближайших деревень, так как тут были и пекари с ароматной выпечкой, и молочники... Или, как они могут называться...

Я пристроилась между двумя повозками и постаралась не отвешивать, всем своим видом показывая утреннюю рутинную скуку. Сердце билось как сумасшедшее. Казалось, каждый прохожий сейчас ткнёт в меня пальцем и крикнет, что я из другого мира!

Ворота распахнулись, и людское море устремилось туда, словно один сплошной поток. Люди обменивались сплетнями, смеялись, даже, бывало, переругивались промеж собой. Было заметно, что многие друг друга знают и ежедневно встречаются. Меня же толкали со всех сторон, иногда косились на мой нелепый наряд, но хотя бы не тыкали пальцем.

Всё же прошлый образ из украденной с верёвки ночнушки, где она сохла после стирки, был неудачным. Это для меня она показалась просто уродливым белым платьем до пят, а для всех остальных я была в нижнем белье.

Но на самом деле мне тогда повезло, что хоть её смогла стащить, потому как вынырнула я из ледяной воды озера прямо рядом с городом совершенно голой. Я тогда была испуганная, мокрая и замерзшая. Тогда эта самая ночнушка стала спасением.

Теперь же, пусть я и выглядела как пугало, но хотя бы не шокировала окружающих непотребным, с их точки зрения, видом.

Людской поток буквально протащил меня вперёд пару улиц и только в торговом квартале поредел настолько, что я смогла двигаться своими ногами.

Мой план был прост.

Надо сделать что-нибудь, чтобы у меня была еда, кров над головой, потому как сейчас не лето и ночевать на улице, даже если очень хочется, не получится; а ещё желательно найти работу. В идеале, всё это хотелось в одном флаконе. Ну и, напоследок, нужно было затеряться в городе так, чтобы не попасться на глаза мужчине, в доме которого я ночевала.

Цель есть, осталось её реализовать.

Я осмотрелась.

В прошлый раз я, опешившая от новой реальности, просила поесть и место для ночлега, а работу просила в последнюю очередь. И то, больше жалобно, вроде: «я могу отработать...». И с каждым днём мой вид был всё более жалким и подозрительным. Здесь вообще к нищим относились не очень... Возможно, о милосердии тут никто не слышал... Но скорее всего, в условиях, когда каждый выживает, как может, о проблемах других думаешь в последнюю очередь — со своими бы разобраться.

Теперь же я планировала действовать по-другому. Пока я не стала похожа на оборвашку, надо найти будущего работодателя.

— Покупайте свежую рыбу! — гаркнул прямо возле моего уха розовощёкий торговец.

От неожиданности я аж присела, закрывая ладонями уши.

— Пугливая птичка!

Толстяк рассмеялся, сверкая нечищенными зубами, а я уверилась в том, что к нему на работу я устраиваться точно не хочу.

Оглядела торговые лавки.

Некоторые торговцы, видимо, из деревень, продавали свой товар прямо на улице. Сейчас было уже не тепло, так что они не сильно отличались видом от меня. Попросись я к ним, и мне придётся так же весь день стоять на морозе и трястись от холода.

Этот вариант мне не подходил.

Тогда я пошла внутрь длинных торговых рядов и начала бродить между прилавками. Тут купцы были побогаче, и каждый был занят своим делом. Рассматривая их со стороны, было совершенно не понятно, кому из них требуется помощь.

Как вообще просят на работу? Просто подходят и спрашивают?

В моём мире информационных технологий мы почти разучились общаться с незнакомцами. Максимум, через переписку. Личные встречи — только с теми, с кем хоть как-то до этого

взаимодействовал. А здесь не было ни табличек: «Требуется сотрудники», ни торговых сетей, где всегда нехватка персонала... Ничего.

На удачу я подошла к раздетому не по погоде в дорогие шелка и шубу купцу и, подождав, пока отойдёт покупатель, робко поинтересовалась:

— Прошу прощения, вам не нужен, случайно, работник?

Меня смерили презрительным взглядом.

— Иди отсюда, девка, подобиру-поздорову! Только вздумаешь что стащить, вмиг косу выдерну! — и он смачно плюнул на дощатый пол.

Я тут же отскочила.

Нет, пожалуй, надо поискать кого-нибудь попроще.

С тем же вопросом я обратилась к торговке шерстью — милой и добродушной на вид женщине.

— Куда же я тебя возьму, девонька? — удивилась она, перекладывая товар чуть подрагивающими руками. — Самим есть нечего, так ещё лишний рот кормить?

— А вы не знаете, где я могу найти работу? — предприняла я ещё одну попытку. — Может, есть учреждение какое-нибудь, которое должности предлагает кандидатам?

— Чего-ль? — сморщилась она. — Ты разговариваешь уж больно чудно, девонька. Юродивая, что ли?

Я натянуто улыбнулась.

— Я говорю, может, кто знает, где я могу работу найти?

— Да кто ж тебе так скажет? Ты умеешь-то чего?

Я растерянно оглянулась. Как объяснить, что я дипломированный дизайнер женских брендовых сумок с десятилетним опытом?

— Я продавать могу...

Женщина рассмеялась.

— Продавать-то каждый дурак может. А делать-то что умеешь? Я вон пряжу пряду. А продаю уж потом, когда работа вся сделана!

Тут к ней подошёл покупатель, и от всех моих последующих вопросов просто отмахнулись.

Я опять вернулась к тому, с чего начала. Обойдя три раза все ряды, время от времени испытывая удачу и подходя к торговцам, я медленно, но верно падала духом.

Здесь я работу не найду. И никто не знает, где её берут. Тут всем нужно умение. Причём, именно умение работать руками. Доить коров, прясть, шить, ещё что-нибудь... Ну ладно, шить я умела, насколько требовалось в моей профессии. Не профессионально, но здешних мастериц в изготовлении сумок заткнула бы за пояс. Только кому из присутствующих нужны были сумки? Тут были корзины, узелки, мальчишки — разносчики наконец, но сумок, как таковых, ни у кого не было.

Я вышла снова на улицу и, найдя чуть менее оживлённое место, достала из своего узелка кусок пирога, отломала от него половину и начала медленно жевать, идя, куда глаза глядят.

Тут из довольно непрезентабельного, на местный манер, дома с собственным балконом вышел высокий, бородатый мужик с большой деревянной кружкой в руках. Это был первый человек, которого я здесь видела, который никуда не торопился и ничего не делал с суетливым видом.

Он лениво обвёл глазами улицу и, ожидаемо, споткнулся взглядом о мою фигуру, стоящую прямо у его калитки.

— Чего надо, девка?

В первую секунду я отпрянула подальше от чужой территории, но потом взяла себя в руки и посмотрела на него в ответ, придавая лицу как можно более уверенное выражение. Я опять задала свой вопрос, даже не надеясь на удачу.

— Прошу прощения, вам работник не нужен?

— Работник? Ты, что ль?

Я упрямо вытянула подбородок и расправила плечи, чтобы казаться не такой жалкой.

— Я.

— А делать-то что умеешь?

Я задумалась, чтобы такого соврать, чтобы выглядело хоть немного достоверно, но мужик меня перебил.

— Прачка мне нужна, — кивнул он, — в прачки пойдёшь? Три серебрушки в неделю.

Клянусь, спокойное выражение на лице я удержала с трудом.

Это раньше бы я скривилась и показала наманикюренные пальчики, сказав что-то вроде: «Я не для этого столько училась, я достойна большего, чем ваши три серебрушки!», но ночи, проведённые на улице босиком и в одной ночнушке, сильно понижают запросы.

— А комната в доме? — честно, это единственное, что меня сейчас интересовало.

— Во флигеле для слуг, — махнул он головой на задний двор.

— Я согласна.

Еле удержалась от того, чтобы не начать подпрыгивать на месте. Я постараюсь как можно скорее обрести свободу и независимость, а также найти своё место в этом мире. Но для этого нужно хотя бы не волноваться о том, что есть и где спать.

Глава 5 Новая работа

Перепоручив меня одному из слуг, мужчина ушёл, напоследок добавив, что я могу называть его «хозяин».

Я не уверена, но кажется, в этот момент у меня дёрнулся глаз.

Ага, спешу и падаю. Ещё только хозяев мне не хватало! У нас трудовые отношения, а не крепостное право! Буду действовать, как в прошлой жизни, когда не знала имени собеседника, а общаться было нужно — начинать разговор со слов: «Извините», «Прошу прощения» и «Подскажите, пожалуйста».

Никаких хозяев у меня никогда не было и не будет впредь, даже если вновь окажусь на улице!

Невзрачного вида мужичок сопровождал меня во флигель для слуг, указал на один из тёмных углов, занавешенный старой простынёй вместо двери, и, буркнув, что через час я должна быть готова приступить к работе, растворился в недрах коридора.

Я скептически осмотрела своё новое жилище.

Грязный, местами прогнивший пол, топчан в углу с матрасом из соломы и трёхногий табурет весьма неустойчивого вида. Господи, надеюсь, здесь нет клопов... Или тараканов, или блох, или...

Дальше думать и накручивать себя я просто мозгу не разрешила. Это ничего сейчас, кроме паники, не даст.

Первым делом я осмотрела тряпку на матрасе, заменяющую здесь простынь.

Она была грязной.

Переборов отвращение, я сложила её несколько раз и переложила на табурет. А сама тем временем начала развязывать свою самодельную шубу.

Платок, украденный у женщины, имени которого я так и не узнала, был связан из густой, тёплой и немного колючей шерсти. Обмотавшись в несколько слоёв, мне было, не прям, чтобы комфортно, но хотя бы не очень холодно. Конечно, в прорези для рук и шеи задувало, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как я замёрзла на улице до этого. Сейчас же я была достаточно согретой. Лапти на ногах и тряпье, в которое я замоталась, тоже позволили не повторить печальный опыт обмерзания нижних конечностей.

А отвар картофеля, в котором я держала ноги после обморожения в доме богатыря, в сочетании с порошком, который он добавил, очень хорошо снял боль, так что теперь я не чувствовала никаких неудобств. И была уверена, что справлюсь с любой работой. В конце концов, здесь живут такие же люди... Неужели я, дитя современного мира, не справлюсь со стиркой?

Как оказалось, не справлюсь...

Даже раньше, чем через час, за мной пришла крупная, крепко сбитая женщина и, махнув приглашающе рукой, велела следовать за ней.

Я суетливо сунула под матрац тёплый платок — единственную ценность в этом мире, пристроила в самом тёмном углу свои скудные запасы еды, а потом подхватила грязную простынь со стула и поспешила за проводником.

— Зови меня Груда, — велела она.

— Марья, — немного поколебавшись, откликнулась я, назвавшись изменённой формой имени. Если мужчина меня так переименовал, то возможно, об имени «Марина» здесь просто не слышали?

— Ты не городская?

Я неопределённо пожала плечами.

— Только деревенские соглашаются на работу, которую должны выполнять домовые. Для них-то это — пара хлопков в ладоши, и бельё чистое.

— А почему здесь нет домовых? — удивилась тогда я. Действительно, если всё так просто, то зачем нанимать отдельную прачку с улицы, если можно прибегнуть к услугам профессионалов. Не похоже, что мужчина не мог себе этого позволить.

Женщина сверкнула на меня мрачным взглядом исподлобья.

— Не знаю я ничего! Сказано тебе работать, так работай, а не вопросы задавай! Хозяин за вопросы не доплачивает!

Я уже было открыла рот для следующего вопроса, но после её слов захлопнула. Не думаю, что она мне сейчас хоть что-то скажет. Смотрит волком...

Мы спустились в подвал, и она открыла тяжёлую дубовую дверь.

И в тот же момент вылетевшее облако пара сдавило горло, не давая возможности дышать.

Это как с мороза в горячую баню зайти, только вместо запаха древесины ты чувствуешь запах ткани, смешанный с чем-то едким. Таким, что сразу встаёт колом в горле и мешает вдохнуть.

— Заходи, — прикрывая ветошью лицо и слезящиеся глаза, велела Груда.

Я в ужасе сделала шаг назад. Как я буду ТАМ работать? Да ещё за закрытой дверью?!

Из клубов пара вышел невысокий мужчина с красным, потным лицом и уже осоловелыми глазами.

— В чём дело, Груда? — прохрипел он, а потом натужно закашлялся.

Он кашлял и кашлял, и всё не мог остановиться. Было ощущение, что ещё немного, и он выплюнет собственные легкие.

— Новая прачка, — мрачно известила его женщина, когда между приступами кашля появился небольшой промежуток.

Я попятилась.

Мужик посмотрел на меня и хрипло рассмеялся, стягивая с головы платок, заменяющий ему косынку.

— Эта пигалица? Да её тело ещё до заката вытаскивать за ногу отсюда можно будет. Ты посмотри, какая на ней вышивка. Да и ткань на сарафане тоже. Дуришь старого, да?

Груда хмуро кинула взгляд на мою одежду не по размеру и заметила:

— Хозяин приказал.

Они переглянулись и посмотрели на меня, словно на ядовитую гадюку.

Они, что... Решили, что я шпионка от хозяина? Поэтому про домового ничего не сказали? Из-за сарафана, который мне дал мужчина?

Нет, как дизайнер, я подтверждаю, что ткань на нем действительно была добротной и крепкой. Стежки ровными, а ручная вышивка — искусной. Но он же не по размеру! Затянут бечёвкой на талии, иначе им можно было бы обернуть меня в несколько слоёв!

Но судя по их лицам, размер сарафана, в данном случае, не имел никакого значения.

— Я... Я... Знаете, передумала...

Грубая, грязная простынь выскользнула из рук и упала на земляной пол подвала.

Господи, я сейчас казалась себе такой слабой и беспомощной! Как можно вылететь с работы, ещё даже не приступив к своим обязанностям?

Но эта стирка... Я реально боялась, что живой из этого подвала просто не выйду.

— Простите, — пролепетала, смотря на слуг с паникой, — я просто искала работу... Я не думала, что быть прачкой так сложно! Мне некуда идти и я не знакома с вашим хозяином. Я его вообще впервые в жизни увидела час назад! Я согласилась на эту работу, потому что не хотела оказаться на улице...

Я не знаю, в чём я их уговаривала. Я сама-то не знала, чего хочу сейчас. Уйти — значило, на ночь глядя, опять стать бродяжкой. От воспоминаний голодного и холодного существования бросало в дрожь. А остаться — значит, рискнуть здоровьем и, возможно, жизнью. Я не знаю,

как можно стирать в таких условиях. Они там бельё кипятят, что ли, с какой-нибудь гадостью? Какой бы я не казалась себе слабачкой, но самоубийцей не была.

Женщина угрожающе придвинулась в мою сторону.

— Откуда же у тебя такая одежонка, а? И говор не наш.

— Я... издалека, — прочистив горло, я подняла её глаза, пытаюсь говорить правду, но так, чтобы не выглядеть сумасшедшей, — я осталась без дома, без родных, без близких. Мне помог... один человек. Он мне и дал эту одежду.

— Ты понимаешь, что на тебе надето? Это же вышивка княжеской швеи! Только она такие цветы вышивает! — крупный палец с грубой, потрескавшейся кожей ткнулся в вышитую гладью ветку роз на сарафане.

Серьёзно?! Здесь так не умеют?

— Он не сказал, — пробормотала я, — я подумала, что это — его мамы или...

— Ты что, ночевала у мужчины? — хрипло рассмеялся мужик, смотря на меня сальным взглядом.

Я слотнула. Дура! Как можно было в таком обществе ляпнуть подобное.

— И замуж он тебя, я так понимаю, не взял, — продолжил насмехаться он.

Моё лицо мгновенно вспыхнуло.

— Я не просила его о помощи! Он помог мне, когда все остальные отвернулись от меня! Неужели никто здесь не может помочь просто так, если видит, что человек умирает?! Только один единственный мужик, пахнущий кожей и клеем! А все эти расфуфыренные господа только носы от меня воротили!

Злые слёзы закипели на лице.

Хотят насмехаться — ну и пусть! Я знаю, что ничего постыдного не делала.

Почему-то именно голословные обвинения смогли прорвать плотину спокойствия. Я не хотела ничего рассказывать! Просто все события последних дней, неопределённость, настолько пугали, что я уже не знала, что лучше — замёрзнуть на улице от холода или умереть где-нибудь на каторге.

На удивление, мой гневный монолог вызвал странную реакцию у слуг. Они переглянулись и женщина удивленно и недоверчиво уточнила:

— Где, ты говоришь, его дом?

— А я не говорила, — шмыгнула я носом, думая, как правильно расторгнуть договорённость о работе. Пойти к здешнему «хозяину»? Или можно просто уйти и всё? — за городом, вы его всё равно не знаете.

Они опять переглянулись, и мужик, резко став серьёзным, кивнул головой.

— Никита это, Груда! Как есть, Никита Кожемяка. Всё сходится. Никто другой не смог бы!

— Кожемяка? — переспросила я. Если это фамилия, то довольно экзотическая.

— Богатырь это наш, здешний, — кивнула служанка уже намного более мягким голосом.

— Большой он был? Светлолицый?

Я растерялась.

— Обычный мужчина. Ну да, крупный, волосы русые до плеч и борода небольшая. Лицо... Не знаю, светлое ли... обычное, с широкими скулами и высоким лбом. Он хмурится ещё часто.

Я даже сама не думала, что так хорошо запомнила внешность незнакомца. Хотя, мне по профессии положено.

Слуги снова переглянулись, на этот раз довольно.

— Кожемяка это! — уверенно подтвердил мужчина.

— Верно говоришь, больше некому... — Груда впервые за время нашего знакомства мне улыбнулась и проговорила: — Если уж Никита Кириллович о тебе позаботился, значит,

хороший ты человек. И нам нужно. Пойдём, девонька, я тебя лучше на кухню отведу. Нечего тебе здесь делать. Это вообще работа домовых, а не девиц юных.

— А ваш хозяин? — растерянно пробормотала я, теряясь от резкой смены настроения собеседников. Уж никак не думала, что упоминание мужчины, что меня принял, принесёт такой результат. Так он богатырь?

— А хозяину и знать-то необязательно, — вдруг жёстко заявила Груда, буквально таща меня за собой наверх из подвала.

Мужик же надел обратно на голову платок и скрылся в клубах пара.

— Скажите, — осмелела я, — а почему здесь нет домовых?

Груда оглянулась по сторонам, явно опасаясь, что нас могут подслушать, а потом, понизив голос до грубоватого шёпота, поделилась:

— Не нравится им дух в доме. Грязный он. Уж насколько домовые неприхотливые существа, а у хозяина нашего не живут. Так что всё хозяйство упало на плечи многочисленных слуг.

— А почему же вы не уйдёте?

— Куда же мы уйдём, ежели крепостные? — искренне удивилась она. — И поэтому он нас старается беречь, насколько вообще способен — других-то не будет. Вон, даже смены сделал, когда мужики на тяжёлую работу идут, вроде стирки, чтобы не мёрли так часто. А то и вовсе с улицы берёт, как тебя.

— Но если я так и не появлюсь в прачечной, а пойду на кухню, то...

— То он и не заметит, — грубо оборвала служанка, хватая меня за руку и таща дальше по коридорам, — подумает, что душу быстро испустила и всё. Нежели проверять будет? Тебя же с улицы он взял. Ты добровольно пришла. Искать никто не будет, иначе бы на подобную работу не согласилась. Так какой с него тогда спрос? А мне гадко это, понимаешь? Глупая ты ещё и молодая. Тебе жить и жить. Так что пойдём, лучше Фаня тебе даст картошку чистить. И при пользе будешь, и при еде. Авось и сладится у нас. Тем более, тебе сам Кожемяка помог. А он людей чувствует.

Она привела меня на закопчённую, довольно обшарпанную кухню, которая, впрочем, после прачечной выглядела идеальным местом работы.

Меня с рук на руки передали довольно мрачного вида поварихе — суровой женщине лет шестидесяти с обожённым лицом и поджатыми губами, и велели во всём её слушаться.

— Главное, на глаза хозяину не попадайся, — напутствовала Груда, — через неделю он и имя твоё забудет, и лицо, так что насчёт этого не беспокойся. Только вот всё равно обходи стороной — уж больно молоденьких он любит, как бы не случилось чего. Мы же здесь все крепостные, даже не защитим, в случае чего, от него, нето можем и жизни лишиться...

С этим вдохновляющим напутствием она оставила меня на барской кухне, и началась моя новая жизнь в этом мире.

Глава 6 Обращение с детьми

Каждое утро вставала я ещё до рассвета, потому что к нему нужно было успеть сделать завтрак для всех слуг, напечь хлеба, иногда даже пирогов, сварить кашу, приготовить еду собакам и даже свиньям.

Отдельно готовили для барского стола.

Хозяин, как здесь все называли мужика, что меня нанял, жил с престарелой матерью, но довольно часто устраивал дома пьянки, гулянки, так что приходилось готовить, не покладая рук.

Из работников кухни была старшая Фаня, которая руководила процессом, да и, если говорить напрямую, готовила почти всё, потому как работала за троих. Кроме неё, тяжёлую работу на кухне помогал делать старый слуга, который уже не годился для того, чтобы работать в поле, принадлежащем всё тому же Хозяину, и два мальчика «принеси-подай». Один из них был сыном Фани — мальчуган десяти лет. Шустрый парнишка, но вороватый. Несколько раз я видела, как он тащит мясные куски из кладовки, при том, что недостатка в еде при такой матери у него не было. Где был их отец, история умалчивает.

И еще один парнишка, который часто за своего друга делал большую часть работы.

Его звали Прошка. Когда я первый раз его увидела — мне чуть плохо не стало. Маленький мальчонка вытаскивал из раскалённой печи огромный противень с себя размером. На вид ему было года четыре. Потом оказалось, что шесть, просто довольно мелкий. Но сути это не меняло.

Он был маленьким, юрким и непоседливым, как и все дети, но при этом не по годам сообразительным и уже побитым жизнью. Груда, иногда вечером заходящая к нам на кухню, рассказывала, что Прошку подкинула хозяйину одна из его пассий. Но, так как светловолосый и голубоглазый мальчонка никак не походил на хозяина дома, у которого были тёмно-каштановые кудри, то его оставили тут помогать, практически с младенчества, на кухне. По факту, он был в доме на птичьих правах. Вроде не крепостной, но и не родственник для барина. Ни документов, ни родственников, ничего. Выгони его завтра хозяин на улицу, даже не схватится никто.

У меня же, выросшей в современном, гуманном мире, волосы на голове шевелились от творящегося тут произвола. Вот, живёт ребёнок. Никому не нужен, никто о нём ничего не знает, он выполняет работу взрослого человека. Пусть не мужчины, но меня, по началу, он оказался куда ловчее. Чистил картошку, выносил вёдра с помоями, приносил воду, лепил пироги. Делал ВСЁ, что только можно, учитывая его невысокий рост и небольшую силу в руках. Не раз и не два я видела, как он, придвинув стульчик, перемешивает еду для свиней в огромном тазу, практически падая в него и лишь чудом удерживаясь на поверхности.

Надо ли говорить, что когда я пришла, то после небольших баталий, переняла большую часть работы мальчугана и делала всё, чтобы ему оставались дела полегче или хотя бы не такие опасные. Фаня, по началу, пыталась меня строить и давать ему другую тяжёлую работу, но я стояла насмерть, вновь и вновь забирая у него тяжеленные вёдра и острые ножи и часто задерживаясь в кухне допоздна, но не давая парня в обиду. Даже Антипу, сыну поварихи от меня пару раз перепало затрещин, когда он в наглую бил палкой младшего товарища.

Груда всё чаще нас заставляла за вечерним мытьём посуды, где я — мыла, кипятила, а Прошке оставалось только вытирать тарелки и кастрюли, да раскладывать по местам. Тогда, когда мы с ней перед общим отбоем иногда позволяли себе немного поболтать, буквально вырывая это время от своего сна, маленький Прохор не уходил, а сворачивался калачиком на ближайшем мешке с крупой, невдалеке от меня, и посапывал, пока я гладила его по светлой головке.

Каждый раз видя, как этот ребёнок тянется вслед за рукой, пытаюсь урвать хотя бы крупицу ласки, у меня сердце сжималось, а на глаза выступали слёзы.

У меня не было детей. Я, как и многие в двадцатипятилетнем возрасте, сначала хотела сделать карьеру, в чём, собственно, и преуспела. У меня даже собаки не было, что уж тут о ребёнке думать! Я не знала, как с ними общаться! Но сейчас, глядя на маленькое, худенькое тело, которое всё чаще робко прижималось ко мне в поисках тепла и защиты, я вновь и вновь задавалась вопросом, а в чём, собственно, смысл жизни? Смысл моей жизни?

Потому что сейчас, вместо карьеры и моментального возвращения домой, больше всего на свете мне хотелось вырваться из этого круга тяжёлой работы у самодура и не дать работать у таких, как он, вот таким вот маленьким Прохорам.

Когда я заикнулась, почему никто из присутствующих слуг не захотел усыновить мальчонка, Груда посмотрела на меня, как на полоумную.

— У нас и так у каждого голодных ртов полон дом, как нам ещё одного на себе тащить? Да и подневольные мы — крепостные. Сейчас он свободен. Если не подхватит какую-нибудь заразу и не убьётся от работы случайно, то вырастет и даже, возможно, сможет уйти. Мы и так его держим здесь, и работу даём. Неужто думаешь, что на улице ему лучше будет?

Я терялась и даже не знала, что можно ответить на такое утверждение. Действительно, сейчас у него хоть какое-то будущее есть. И даже я, как бы мне не было его жалко, ничего не могла ему дать — я сама в этом мире была на птичьих правах.

Всё изменилось, когда однажды утром я выносила ведро с мусором и собиралась начать замешивать тесто для хлеба из настоявшейся за ночь опары.

Ночью первый раз подморозило, и сейчас тоненькие корки на лужах, покрытые инеем, с хрустом ломались под моими ногами.

Тут, со стороны парадного входа, слышались громкие, надрывные детские крики.

Ведро с помоями упало на подмёрзшую землю.

— Проща!

Я подхватила юбку и со всех ног бросилась в сторону криков.

События происходили даже не во дворе дома, а на улице, за воротами.

Хозяин дома, совершенно не стесняясь прохожих, таскал за волосы ревушего ребёнка под одобрительный и громогласный лай стаи бродячих собак.

— Будешь знать, шавка дворовая, как мою одежду портить! Чтобы больше я тебя не видел возле моего дома! — на его расшитой нелепыми цветами рубахе, видневшейся из-под меховой жилетки, расплзлось небольшое пятно от вина. Разбитый глиняный кувшин из-под напитка валялся рядом на земле.

Мужчина размахнулся и послал тяжёлой оплеухой Прощку в ближайшие кусты.

— Вы что творите!

Я налетела на него, словно фурия, отталкивая своим телом от ребёнка, когда он уже поднял тяжёлый ботинок для удара.

— Ты ещё кто?! — возмутился барин, еле удержавшись на месте на одной ноге. — Пошла вон, девка! Не встравай, когда я со своей собственностью разбираюсь!

Я, не слушая его воплей, полезла в кусты за тихо поскуливающим мальчонкой. Слава Богу, жив!

— Эй, я с тобой разговариваю! — меня грубо схватили за руку и дёрнули вверх. Лицо опалило тошнотворным запахом перегара. — Совсем ополоумела, на меня руки поднимать?

— Да пошёл ты, — огрызнулась я, пытаюсь вырваться из болезненного захвата.

— Ты живёшь в моём доме! — возмутился он. — И принадлежишь мне! Какое право имеешь нападать на хозяина? Ещё ради этого сброда!

— Сам ты сброд! Ни я, ни Прощка тебе не принадлежим! И уйдём сейчас же! Ты чуть не убил ребёнка, урод!

Я всё же смогла вырваться и вытащила из колючего кустарника зарёванного ребенка, прижимая его голову к себе.

— Ах ты, тварь!

Меня грубо ударили по лицу, а в следующую секунду мужик сам отлетел на добрые пять метров и врезавшись головой в деревянную ограду, сполз вниз.

Я повернула голову и встретила с умным, серьёзным взглядом Никиты Кожемяки. Теперь я знала его имя.

Богатырь, одетый в простую рубаху и подпоясанный кожаным поясом, встряхнул кулаком и обвёл взглядом собравшуюся толпу.

— Кто обижает слабого, недостоин по земле ходить. А кто смотрит, но не мешает ему творить зло, тот всё равно что в сговоре с ним.

Собаки тут же заткнулись, а люди, окружающие нас, моментально попрытали глаза. Большинство решило, что им пора по делам, и растворилось в толпе.

Я встретила глазами с Грудой, но она тоже стыдливо отвернулась. С одной стороны, мозгами я понимала, почему они не вмешались, с другой... Видеть, как бьют беззащитного ребёнка, и ничего не делать... Я даже не могла найти определения этому поступку.

Это, как в моём мире - вместо помощи достать телефон, чтобы успеть заснять кровавую расправу, а потом выложить в интернет со словами: «Что же это делается?!».

— Мариша, я нечаянно, — привлёк внимание к себе Прошка, — я запнулся, когда подносил вино барину. Я не хотел, честно!

— Ты не виноват, — уверенно ответила я, прижимая его к себе и краем глаза наблюдая за тем, как слуги торопливо уносят своего поскуливающего барина в дом.

— У тебя кровь, — детская ручка дотронулась до моего виска.

Я тоже потрогала пальцами гудящую голову и на них остался липкий кровавый след.

— Ничего страшного, до свадьбы заживёт, — улыбнулась я, стараясь выглядеть как можно более жизнерадостно.

— Мы теперь будем на улице? Как бродяги? — шмыкнул носом ребёнок. За время, проведённое в барском доме, его неплохо напугали улицей и всем, что с ней связано.

Я оглянулась на дом, в котором провела последний месяц, прикидывая, могу ли я вернуться за своими скудными вещами и небольшим запасом денег, заработанными за последний месяц. Правильно делала, что не тратила их — как знала! При том, что по привычке хотелось моментально всё потратить, хотя бы на одежду, обувь и так далее. Но я держалась, прикупив только нормальное бельё. А вместо куртки до сих пор использовала шерстяной платок... владелец которого сейчас смотрел на меня тяжёлым взглядом.

— Прош, — тихо попросила я, — подожди меня немного, я сейчас поговорю с этим мужчиной, а потом вернусь за вещами, и мы с тобой убежим! Я обязательно позабочусь о нас, веришь мне?

Он посмотрел на меня огромными круглыми глазами цвета ясного неба, а потом невольно ответил:

— Ты похожа на маму.

От его слов у меня горло сдавило спазмом.

Чтобы не показать, какое действие на меня произвели его слова, я снова его быстро обняла, а потом отвернулась, стремительно идя в сторону богатыря, шепнув по дороге:

— Я быстро!

Я подошла к стоящему посреди дороги мужчине и неловко переступила с ноги на ногу.

— Ты опять воровала, — не спросил, а констатировал он факт.

— Прошу прощения, — я развязала тесёмки и сняла с себя тёплый платок, стараясь не ёжиться от холода. Получалось плохо. Ледяной ветер моментально продул тело буквально до костей, — одежду я смогу вернуть чуть позже, когда... куплю себе новую.

— Ту убежала.

И снова не вопрос, а утверждение.

— Я не хотела попасть на каторгу, — вспыхнула я.

Он нахмурился.

— А убежала-то почему?

Я глупо хлопнула глазами, пытаюсь понять, о чём он спрашивает.

— Вы же сами сказали, что хотите отвести меня к старосте. Сдать за воровство. Он бы отправил меня на каторгу, но я не хочу из-за одного пирога и одной сорочки всю жизнь страдать! Я хотела найти работу!

Кивнувший было на первую фразу мужчины удивленно вскинул брови и в таком состоянии дослушал меня до конца.

Когда я закончила, он некоторое время молчал, а потом тяжело вздохнул.

— Пойдём.

— Куда? — попятилась я, испуганно посматривая на Прошку, который тоже начал волноваться, но пока не бежал в мою сторону, боясь ослушаться.

— Ко мне домой.

Где-то я уже это слышала.

Я в панике оглянулась, пытаюсь рассчитать, в какую сторону бежать, чтобы успеть подхватить мальчонку, но так, чтобы мужчина нас не догнал.

— Я хотел, чтобы староста нашёл для тебя работу в деревне, — донёсся до моего паникующего сознания голос богатыря.

— Что? — я резко развернулась.

— Я не собирался сдавать тебя старосте, чтобы отправить на каторгу, — явно с усилием заставляя себя говорить, объяснил мужчина. — Гриша — мой друг. Он бы нашёл для тебя работу.

— Вы не хотели сдавать меня за воровство, а просто хотели дать мне работу? — не поверила я.

— Да.

Клянусь. Большого ступора я не испытывала никогда в жизни. Так... этого всего могло не быть?! Ни побега, ни скитаний, ни работы в барском доме, ни...

— Прошка!

Я подозвала мальчика и укутала его снятым платком, потому как он, в одной домотканой рубахе, уже основательно продрог.

— Почему вы теперь предлагаете мне идти с вами? — прямо спросила я у мужчины. Хватит мне этих недомолвок! Пусть сразу говорит, как есть!

— Тебе нужен дом, — просто ответил он.

— Без Прошки я никуда не пойду! — вцепилась я двумя руками в ребёнка.

— Я знаю, — кивнул он и развернулся в сторону городских ворот.

Думать о том, почему и зачем, и надолго ли он предлагает нам кров, просто не было времени и, если честно, желания.

— Подождите, мне нужно забрать вещи! — крикнула я широкой спине.

Мужчина остановился и развернул в нашу сторону корпус.

— Жду, — последовал лаконичный ответ.

Я пихнула ему в руки обалдевшего ребёнка, и, подхватив юбки, со всех ног бросилась в дом за своими вещами и скудными пожитками теперь уже моего ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.